

ТОДОР ПАВЛОВ

ИЗБРАНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕТИКА

ИЗДАНИЕ НА БЪЛГАРСКАТА
АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

С О Ф И Я

ТОДОР ПАВЛОВ

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

4

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М О С К В А

1 9 6 3

Перевод с болгарского
Л. В. Воробьева, Д. Д. Николаева,
М. Н. Петрова

Редактор
О. И. Попов

Редакция литературы по философским наукам

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

После выхода в свет в 1936 году первого русского издания «Теория отражения» в 1937—1938 годах вышло первое болгарское издание «Общей теории искусства», посвященной основным историческим, теоретическим и критическим вопросам марксистско-ленинской эстетики. Эта книга представляла собой попытку конкретного применения основных положений марксистско-ленинской теории отражения в области эстетики и литературной теории, истории и критики. Затем последовало несколько переработанных и различным образом озаглавленных изданий, а также появились десятки работ, лекций, статей, литературных очерков и рецензий, вышедших в свет отдельно или вошедших в сборники и «Избранные произведения».

Автор запланировал выпустить в свет «Марксистско-ленинскую эстетику» в трех томах, но по независящим от его воли причинам этот план не мог быть осуществлен. Тогда автор решил, что будет правильнее вместо трех больших томов написать один небольшой том, в котором будут даны только те исследования и выводы, к которым автор пришел на протяжении своей многолетней общественной, научной и литературной деятельности.

Первая работа автора, посвященная вопросу об отношении между символизмом и реализмом, вышла в 1906 году; в ней он встал на сторону реализма, а затем постепенно уточнял и совершенствовал свою позицию, приходя с течением времени к социалистическому реализму.

В том 4 «Избранных философских произведений» должен был согласно заключенному с Издательством иностранной литературы договору войти именно этот единственный том. К сожалению, по многим причинам и глав-

ным образом по состоянию здоровья автор не сумел своевременно выполнить взятое на себя обязательство и решил, принося свои извинения Издательству и советским читателям, предложить издать настоящий том. Вместе с тем автор продолжает работать над задуманной теоретической монографией, с учетом того, что если она будет готова, то будет издана на русском языке отдельной книгой, не входящей в состав «Избранных философских произведений». Издательство отнеслось благосклонно к этому предложению автора, за что автор приносит Издательству свою самую искреннюю благодарность.

Настоящий том 4 состоит из двух частей. В первой собраны работы, имеющие историческо-исследовательский характер или же просто значение материалов для написания научной истории эстетики. Таковы, например, работы, посвященные эстетическим взглядам Платона, Канта, Гегеля, Дидро, Бергсона, современных западных апологетов абстракционистского и формалистического искусства, Чернышевского, Толстого, Горького, Христо Ботева, Димитрия Благоева и других. Это, разумеется, не история эстетики, но, по убеждению автора, представляет все же известный вклад в марксистско-ленинскую историю эстетики, который так или иначе может оказаться полезным как историкам эстетики, так и самим читателям.

Во второй части тома собраны некоторые из теоретико-исследовательских и литературно-критических работ автора, в которых затронуты основные вопросы марксистско-ленинской эстетики или хотя бы важнейшие из них; над этими вопросами автор работал на протяжении многих лет и защищал их в борьбе против всех и всяческих идеалистических, ревизионистских, догматических, сектантских и вульгарно-социологических взглядов. По заглавиям самих работ читатели поймут, какие именно вопросы интересовали автора. Сам автор считает нужным отметить здесь следующее.

Приблизительно двадцать пять лет назад, когда вышла «Общая теория искусства», в советской и болгарской литературе по вопросам эстетики не было того движения вперед, которое началось позже и в результате которого в Советском Союзе, в Народной Республике Болгарии и в других социалистических странах появились и появляются десятки и сотни серьезных теоретических, историче-

ских и критических трудов, посвященных основным вопросам марксистско-ленинской эстетики. Автор с радостью отмечает этот факт, свидетельствующий об оживлении и углублении научно-исследовательской работы в этой области, особенно после ликвидации тормозящего влияния культа личности в СССР, в Болгарии и других социалистических странах.

Но вместе с тем наблюдается и одно тревожное явление. Речь идет о том, что некоторые круги под предлогом борьбы против последствий и рецидивов культа личности поддерживают и практикуют такое «свободное» теоретическое дискутирование, такой обмен мнениями и такое индивидуальное художественное творчество, которые означают отказ от основных принципиальных положений марксистско-ленинской эстетики, критики и политики в области литературы и искусства. Они протаскивают тем или иным образом научно невыдержанные, идеологически путанные и политически вредные теории и теориейки, хорошо принятые известными реакционными кругами на Западе, но не находящие одобрения даже и на Западе у прогрессивных и демократических общественных, научных, культурных кругов.

Автор постарался подобрать для настоящего тома такие работы, которые в том или ином смысле и степени дают возможность советским читателям составить понятие о взглядах автора в этой области марксистско-ленинского знания и вместе с тем побудить их заниматься дальнейшим усвоением и творческой защитой основных положений марксистско-ленинской эстетики, в том числе и особенно принципов партийности и народности литературы и искусства вообще.

Автор не считает, что он достиг в этой области «абсолютной истины в последней инстанции», но он все же склонен полагать, что пришел к некоторым выводам, дающим возможность дальнейшей творческой разработки марксистско-ленинской эстетики.

Как убедиться и сами читатели, автор учел последние достижения советской и мировой эстетической прогрессивной мысли, а особенно и прежде всего соответствующие положения Программы КПСС и хорошо известные советским и болгарским читателям документы ЦК КПСС, высказывания Н. С. Хрущева, М. А. Суслова и Л. Ф. Ильичева, как и обсуждения и решения всесоюзных конфе-

ренций писателей, художников, деятелей кино, композиторов и музыковедов.

В Болгарии все эти документы и высказывания ценятся очень высоко ЦК БКП во главе с Тодором Живковым, как и всей научной и культурной общественностью, изучаются коллективно и индивидуально и вместе с тем творчески разрабатываются с учетом конкретных условий и задач развития эстетики, литературы и искусства в нашей стране.

Автор надеется, что настоящий том с содержащимися в нем скромными теоретическими, историческими и критическими работами побудит советских, да и не только советских читателей к дальнейшему творческому обсуждению основных вопросов марксистско-ленинской эстетики, истории, теории и критики литературы. А это, несомненно, будет вклад, хотя и скромный, в дело еще большего укрепления и углубления болгаро-советской дружбы, как и дружбы и сотрудничества между общественными, научными и культурными деятелями социалистических стран и всеми прогрессивными общественными, научными и культурными деятелями.

А В Т О Р

Январь, 1963.

София — Панчарево

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К ИСТОРИИ ЭСТЕТИКИ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЭСТЕТИКЕ *

Теория искусства становится возможной только на определенной, сравнительно высокой ступени развития человеческого общества и человеческого мышления, когда не только искусство уже в достаточной степени обособилось и развилось как своеобразный вид духовной человеческой деятельности, но появилось и развилось в достаточной степени также и логическое мышление, мышление с помощью общих понятий.

И действительно, в первобытном экономически (и технически) еще совершенно слабо развитом и социально недифференцированном обществе, где мышление вообще имеет также недифференцированный характер и где еще не развились общие понятия, нет ни науки, ни искусства как особых, относительно самостоятельных проявлений человеческой деятельности, а есть только известные их элементы, зародыши, недоразвитые проявления. Эти элементы, взаимообуславливаясь и сливаясь в общем первобытном, недифференцированном мышлении, приводят к тому, что в «магических», «обрядно-производственных» и других проявлениях (заклинания, песни, танцы и пр.) трудно определить, где начинается зачаточное научное мышление и где кончается художественное, «образное» мышление.

Леви Брюль называл это мышление «дологическим мышлением», в котором наше понятие о причинности отсутствовало, заменяясь понятием о «мистическом сопричастии», где часть принималась за целое и наоборот, одно — за многие и наоборот и где человек еще не мог

* Из книги «Общая теория искусства», издание на «Нов свят», София, 1937.

отделиться от природы и общественной среды и противопоставить им себя, а сливался с ними в одно мистическое целое.

Русский языковед академик Н. Я. Марр и его ученики называют это мышление «диффузным», «синкретическим», «тотемистическим». Они критикуют теорию Леви Брюля за элементы мистицизма, но также особо подчеркивают первоначальную слитность, недифференцированность мышления, обращая внимание прежде всего на его производственно-материальный и первобытнообщественный («тотемистический») характер, основу, функцию, значение.

Здесь нет возможности, да и не очень нужно давать подробное изложение этих двух теорий и их различий. Для нас в данном случае достаточно, что эти две теории, а особенно теория Н. Я. Марра, построенная на основе богатого языковедческого и культурно-исторического материала, бесспорно доказали этот характер недифференцированности первобытного мышления. Отметим только, что как термины «дологическое мышление» или «мистическое сопричастие», так и термины «диффузное» или «синкретическое» мышление имеют свои недостатки и неудобства. Дело в том, что первобытное мышление, не являясь логическим в позднейшем, точном смысле этого слова, не лишено известной своей, своеобразной логики и не может поэтому отождествляться с мистицизмом, который, как известно, есть продукт более позднего общественно-исторического развития и имеет ярко выраженный идеалистический и метафизический характер. В первобытном мышлении нет ни нашей логики, ни нашей мистики; ни материализма, ни идеализма как теорий; ни метафизики, ни диалектики как методов, а только их первичные зародыши, элементы, зачатки. При этом они и качественно отличаются от более позднего теоретического мышления.

У Леви Брюля приводится в качестве примера племя «дикарей», считавшее виновником постигших его стихийных бедствий священника-миссионера с его необычными одеяниями и обрядными действиями. Советские теоретики (механицисты, а отчасти и последователи Н. Я. Марра) возражают Леви Брюлю в том смысле, что, хотя и в мистифицированном виде, «дикари» правильно уловили причинную зависимость между колониальной политикой империалистов-белых и постигшими племя бедствиями. Это

возражение политически целесообразно, но (с теоретической и более глубокой точки зрения) оно упрощает вопрос, приписывая указанному племени способность к такому анализу и обобщению (хотя и в мистифицированной форме), до какого даже высокоразвитые экономисты и социологи не доросли и по сей день.

С другой стороны, классический пример, использованный еще Плехановым, пример с «дикарем», который, выливая воду на крышу своей хижины, думал, что этим можно вызвать дождь, показывает, что все же в извращенных, мистифицированных представлениях первобытного человека были отражены, хотя и вверх ногами и крайне ограниченно и неточно, известные объективные свойства и закономерности, которые впоследствии, на более высокой ступени развития общества, приобретают свое рациональное выражение. Леви Брюль именно эту сторону вопроса недостаточно оценил и развил, идеалистически преувеличив, раздув, абсолютизировав качественное различие между первобытным («дологическим») и более поздним (логическим) мышлением.

Термины «диффузное» и «синкретическое» мышление со своей стороны имеют тот недостаток, что они, взятые в своем буквальном смысле, подчеркивают факт сочетания, слияния или взаимопроникновения разных сторон и видов мышления, недостаточно подчеркивая качественное своеобразие этих сторон и видов. Термины «магический» и «тотемистический», также употребляемые Н. Я. Марром и его школой, несомненно более удачны в этом отношении, хотя в других отношениях дают возможность для толкований, которые могут вернуть нас обратно к мистике Леви Брюля. Необходимо всегда подчеркивать, что первобытная «магия» — это в сущности своеобразное единство мысли, труда и первобытного слова, имеющего особое значение и силу.

Именно поэтому первобытное искусство, не обособившееся от науки, которая еще не родилась как наука в строгом смысле слова, также носит магическо-общественный («тотемистический»), обрядно-производственный и обрядно-бытовой характер. Великая наивность утверждать, что первобытный человек, после того как трудился или воевал, уединялся, предавался лени и созерцанию и начинал рисовать, петь, танцевать. Танцы, песни, сказки, рисунки — все это первоначально носило общественно-

магический, действенный характер. Все это первоначально служило средством и познания, и эмоционального заражения, и действия («магического» действия). Наука, искусство, мистические представления, трудовые проявления, слово — все это первоначально слито, диффузно магическо-тотемистично и в то же время находится на крайне низкой ступени развития не только в количественном, но и в качественном отношении.

Только при дальнейшем развитии орудий труда и дифференцировании их и самого труда, а отсюда и дифференцировании самого общества на особые классы и особенно при разделении труда на физический и умственный человеческая наука и человеческое искусство, вырастая из одного общего корня — труда, — начинают развиваться как различные способы «усваивания мира». Но сколько бы ни увеличивалось качественное различие между ними, они не перестают расти как различные ветви, черпающие свои жизненные соки в конечном счете из одного общего корня — труда, общественно-материального производства, — и никогда не теряют абсолютно связей между собой.

Не давая систематического и полного изложения истории человеческого общества, науки и искусства, не приходя в смущение от фактов частичного отклонения от общей линии развития, от фактов неравномерного забега вперед или возвращения назад (в сравнении с уровнем экономики) научной и художественной мысли в разных обществах и в разные эпохи, не претендуя, наконец, на полное, исчерпывающее изложение основных линий теоретической эстетической мысли, мы можем с теоретической точки зрения указать два основных направления в эстетической теории: материалистическое и идеалистическое.

Разумеется, существовали и существуют как в философии, так и в эстетике отдельные теории и даже целые направления, которые стояли на почве эклектизма или же пытались «превзойти» и идеализм, и материализм, «подняться над ними», «примирить» их в каких-то «высших» теориях.

Достаточно вспомнить в данном случае, например, Маха и Ремке, чтобы убедиться, что такие попытки действительно делались. Мы, однако, не имеем ни охоты, ни особой нужды останавливаться здесь на всех этих

попытках, которые, как давно уже доказано, всегда кончаются скрытым или открытым возвращением либо к материализму, либо к идеализму¹. Исторический факт, что огромное большинство самих значительных философских и эстетических теорий открыто отстаивали либо материалистические, либо идеалистические позиции. И именно поэтому здесь, в нашем общем критическом обзоре основных или главных направлений в теории искусства мы остановимся на двух основных или главных направлениях в эстетике — идеалистическом и материалистическом. При этом, как сам читатель убедится в дальнейшем, анализ и критика «критической» эстетики Канта послужат для нас достаточным примером того, как даже мыслители масштаба Канта, который также поставил перед собой задачу «превзойти» и материализм, и идеализм, неизбежно кончали переходом с дуалистической и агностической «критической» позиции на позицию субъективного идеализма.

Мистическому и религиозному идеалистическому характеру мышления, свойственному рабовладельческой и феодальной общественно-экономической формациям, соответствуют по общему правилу теории искусства, которые не только имеют идеалистический характер, но и отличаются своим ярким мистицизмом. Это мы видим особенно ясно в эпоху феодализма, а до нее в эпоху разложения древней греко-римской цивилизации, не говоря о философии (включающей в себя в той или иной форме взгляды и на искусство) Индии, Египта и Китая.

Вместе с тем мы преднамеренно подчеркиваем слова «по общему правилу». Этим мы хотим сказать, во-первых, что не исключены случаи, когда (как было, например, в Греции в первый период развития философской мысли) в области философии и эстетики можно иметь не только материализм, но и элементы диалектики; во-вторых, что мистическо-идеалистические теории возможны и в последующих общественно-исторических формациях. Мистическая теория искусства, например Бергсона, есть продукт условий самой последней фазы развития буржуазного общества. Но по своему общему теоретическому характеру она означает явное возвращение назад не только к отрицательному в философии Канта, но даже и к открытой

¹ Более подробно по этому вопросу см.: В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм.

мистике Плотина. И наоборот, материализм и диалектика Демокрита, Гераклита и других греческих философов означают гигантское забегание вперед, несмотря, разумеется, на то обстоятельство, что они также имели определенные социальные и теоретические корни в своем обществе и времени, в том числе и великое жизнерадостное, «наивное», светлое искусство, которое еще развивалось по своей восходящей линии и которое, хотя и выросло на почве древнегреческой мифологии, скорее свергало богов на землю, чем отсылало человека в потусторонний мир, как это было позднее, в эпоху упадка и разложения. У Аристотеля же мы имеем типичное колебание между идеализмом и материализмом.

Все это так. И все же всего этого недостаточно для опровержения мысли, что по общему правилу мистическо-идеалистическому способу мышления, свойственному рабовладельческой и феодальной общественно-экономическим формациям, соответствуют теории искусства, которые носят мистическо-идеалистический характер.

Товарно-фетишистскому характеру мышления в следующей за феодализмом общественно-исторической формации соответствуют, также по общему правилу, фетишистско-идеалистические теории искусства.

На возражение: «Но не забываете ли вы Бэкона, Дидро, Фейербаха и других?» — ответим, что вовсе их не забываем. Но не нужно забывать также и следующие два обстоятельства: во-первых, буржуазная философская мысль (и то в периоды подъема и прогрессивности) была в большой степени материалистической, при этом метафизико-материалистической, но только (или главным образом) в области вопросов природы, непосредственно связанных с интересами промышленного развития; в области общественных и духовных вопросов (а эстетика относится именно к ним) она, с небольшими исключениями, была идеалистической и самое большое — компромиссно-дуалистической и агностической; во-вторых, теории искусства, понимаемого как отражение действительности, и его прогрессивного общественно-исторического и агитационно-пропагандистского значения почти никогда (даже у Фейербаха) не получали своего последовательно до конца материалистического научного освещения и обоснования. Если же они (речь не идет о натурфилософии) имели материалистический характер, этого факта